

Нанси Жан-Люк, Левинас Эммануэль. Погружение в постмодерн. В поисках утраченного смысла. — М.: Родина, 2025. — 192 с.

Книга издана странно. Помимо Нанси и Левинаса, как можно предположить из названия, в ней опубликованы Р. Генон (но не Рено, а Рене) «Кризис современного мира», Ж.-Ф. Лиотар «Состояние постмодерна» и Ж. Делёз «Платон и симулякр». Левинас представлен двумя статьями — «Знание и присутствие» и «Интуиция». Переводчики обозначены только под знаком правообладания, поэтому кто из них что переводил, неясно.

Но интерес к объявленным темам и проблемам не пропал, может быть, усилился: и к кризису современного мира, и к состоянию, главным образом к содержанию, постмодерна, тем более что этот номер журнала затрагивает проблемы постмодернизма, к событию, чему посвящена работа Нанси, и пр.

«Погружение в постмодерн» и «В поисках утраченного смысла» — это разделы книги. Лиотар выдвигает гипотезу, «что по мере вхождения общества в эпоху, называемую индустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна, изменяется статус знания» (с. 27), которое имеет дело с языком, чему свидетельства — фонология, проблемы коммуникации, проблемы языковых переводов и совместимости машинных языков, от себя добавим — искусственного интеллекта. При этом неперебиваемое знание будет отброшено, а направления исследований будут подчиняться условию переводимости на язык машин. «Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования разума» и личности, «устаревают и будут выходить из употребления» (с. 28), знание в большой степени будет связано с отношением производитель/потребитель, изменяя правовые формы, административные, государственные и пр. Одной из главных проблем становится, как считает Лиотар, проблема легитимации знания, ибо будет зависеть не столько от вопроса, что верно, а что нет, а от права решать, что справедливо, «даже если высказывания, подчиненные одновременно и гражданскому закону, и признанию научного сообщества, принадлежат различным природам». По мнению Лиотара, который ссылается при этом на научные авторитеты, необходимо, чтобы соблюдалось такое условие: проблема должна постоянно ощущать состояние и статус системы как целого.

Лиотар приводит примеры разных условий существования знаний и останавливается на идее междисциплинарности, показывая, что нынешнее знание — не «осуществление жизни духа или освобождение человечества; это скорее отношение пользователей концептуального аппарата и сложного материала к получателям результатов. Они не располагают ни метаязыком, ни метарассказом для того, чтобы сформулировать конечную цель знания и правильное использование» (с. 88). Это, убежден Лиотар, «отходная по эре Профессора: он уже не компетентнее, чем сеть запоминающих устройств» (с. 89).

Нанси ставит проблему неразделимости философии и сообщества. Предположив, что смысл философии заставляет его сообщаться, речь должна идти о соотношении себя и другого. «Бытие без другого (или без друговости) не имело бы смысла, будучи лишь имманентностью собственного полагания, или, что то же самое, допущения самого себя» (с. 91). Это в свою очередь ставит выражение «конец философии» в особый контекст существования как *этой* философии. «"Конец философии" означает, что философия как минимум достигла (знает себя как достигшая) своего завершения, свершенности, что вовсе

не равносильно ее исчезновению, осуществленности целого понятийного порядка, который стоял за поиском ее смысла» (с. 92). Нанси создает теорию бытия-вместе. Со-общаемость подразумевает наличие и учет внешнего. Внешнее — не означает просто «быть рядом». Логика такого со-бытия не предполагает ни чисто внутреннего, ни чисто внешнего. Логика так понятого со-бытия, на первый взгляд, являющаяся «банальной феноменологией неорганизованной совокупности людей», на деле оказывается «в промежутке между отъединенностью “толпы” и связностью “группы” (*подобно пассажирам, оказавшимся в одном купе. — Авт.*), будучи ежесекундно близки к превращению в одну или в другую» (с. 99).

Нанси размышляет об этой со-вместности перед лицом современных проблем политики и ставит вопрос об ответственности «за все, что можно назвать деятельностью или нравами, природой, историей», перед знанием или мышлением (с. 179), различая ответственность «обобщенную» (государственную) и индивидуальную. «Философия, способная осмыслить эту ответственность без границ, мыслит саму себя как осуществление архиответственности» (с. 184), определяется не иначе, как «аналог святости» (с. 185).

Неретина С.С. Средневековый человек и его проблемы. — М.: Голос, 2025. — 474 с.

Книга главным образом посвящена основной логической структуре Средневековья — тропологии и объяснению ее действия в речи. Эта «логика поворота» действовала в мире, который полагал себя рожденным по Слову, принадлежавшему Богу и бывшему самим Богом. Она выступала как грамматика бытия, феноменами которой были разнообразные грамматики, действовавшие или принятые в разных мировых пространствах в союзе с вещами, через которые она обнаруживала себя, которые поддерживали ее, предоставляли поле для ее фантазий и обеспечивали прочность ее конструкции. Любое произведение при этом оказывалось своего рода палимпсестом.

Для философов, филологов и всех интересующихся проблемами культуры.

Бескова И.А., Моркина Ю.С., Филипенко С.А. Лики воспринимающего разума / Н.М. Смирнова, И.А. Бескова (ред.). — М.: Голос, 2025. — 208 с.

Предлагаемое вниманию читателя издание посвящено исследованию восприятия с позиции эпистемологического, когнитивного и логико-методологического анализа. В монографии акцент делается, прежде всего, на прояснении глубинных методологических оснований феноменологии восприимчивости, находящих выражение в мировоззренческих установках, с позиции которых заинтересованный взгляд субъекта оказывается обращен к миру. Это и установки, касающиеся бинарной/недвойственной стилистики в истолковании природы имеющегося; это и противопоставленность ориентации на эстетический эффект ориентации на логику рождения поэтической мысли в когнитивном литературоведении; это и аналитика научной лаборатории смыслопорождения, представленная идеей «перетекания» смыслов из сферы универсальных когнитивных моделей в сферу личностного знания.

В процессе исследования авторы анализируют современные подходы, в рамках которых подобные вопросы рассматриваются, выявляют их сильные и слабые стороны и предлагают собственные решения, обосновывая логику и эффективность своих выборов. Результаты исследования имеют в том числе и прикладное значение, поскольку помогают осознать человеку влияние методологическо-мировоззренческих презумпций, опираясь на которые, он выстраивает свое взаимодействие с миром, с социумом и с самим собой. Это способно содействовать не только эффективной организации научной деятельности исследователей, но и улучшению качества жизни человека, понимающего глубинные истоки возможной неудовлетворенности качеством и стилистикой его жизненного мира.

Книга состоит из Предисловия, написанного Н.М. Смирновой, трех глав, Послесловия, Библиографии и Сведений об авторах.

Первая глава «Восприятие: подходы, парадоксы, решения» написана И.А. Бесковой, содержит анализ «методологических трудностей непосредственно-ориентационного подхода», в ней анализируются «затруднения “исчисляющего” истолкования перцепции», она показывает «альтернативное видение пространства перцепции: истоки “не-мыслия” в восприятии», представляет «когнитивный опыт С.В. Шерешевского... в его самоотчетах», показывает «трансформацию субъектности в перспективе стороннего наблюдателя», «феноменологию сложностной метауровневой природы самости» и др. Вторая глава «Восприятие поэтических текстов: когнитивное литературоведение как проект», написанная Ю.С. Моркиной, содержит анализ западного проекта когнитивной поэтики» (автор говорит об этом со знанием дела, она — поэт), ставит «задачу систематизации направлений когнитивного литературоведения», повествует о проектах П. Стоквелла и Р. Цура, раскрывает «потенциал деятельностного подхода в отечественной школе когнитивной поэтики». Третья глава «Личностное познание и восприятие в парадигме когнитивной антропологии», автор которой Филипенко С.А., содержит «типологию когнитивных моделей», представленную как «инструмент анализа личностного знания». В ней показана «трансформация ментальной модели как условие смыслопорождения».

Монография рассчитана на широкую аудиторию как профессиональных исследователей (философов и представителей конкретно-научных дисциплин), так и читателей, интересующихся проблемами восприятия, мышления, сознания, литературного языка и творчества, на аналитиков культурных инноваций и художественных достижений.